

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Ролло Мэй

ВЗЫВАЯ
К МИФУ

Мастера психологии (Питер)

Ролло Мэй

Взывая к мифу

«Питер»

1991

УДК 159.9:7.01
ББК 88.454

Мэй Р.

Взывая к мифу / Р. Мэй — «Питер», 1991 — (Мастера психологии (Питер))

ISBN 978-5-4461-1435-1

Мифы помогают нам найти смысл жизни в нашем запутанном, жестком, нелогичном мире. Ролло Мэй приводит примеры, когда именно, осознавая влияние мифологических сюжетов на жизнь современного человека, клиенты получали облегчение своим душевным страданиям. Миф – это вечность, проламывающаяся сквозь время. За эту работу Ролло Мэй получил золотую медаль Американского психологического общества.

УДК 159.9:7.01

ББК 88.454

ISBN 978-5-4461-1435-1

© Мэй Р., 1991

© Питер, 1991

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Для чего нужны мифы?	8
Глава 1. Что такое миф?	8
Глава 2. Наши личные кризисы в мифах	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ролло Мэй

Взывая к мифу

Rollo May
The Cry for Myth

© 1991 by Rollo May

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2020

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2020

© Серия «Мастера психологии», 2020

* * *

Предисловие

Будучи практикующим психоаналитиком, я обнаружил, что современная психотерапия – после того как все аспекты конкретного случая приняты во внимание – практически полностью сводится к решению проблем, связанных с тем, что люди ищут мифы и стремятся к ним. Тот факт, что западное общество почти полностью избавилось от мифов, стал главной причиной появления и дальнейшего развития психоанализа. Фрейд и другие придерживающиеся иных концепций специалисты-психотерапевты ясно показали, что язык мифов является важнейшим элементом психоанализа.

Огромный интерес к телепрограммам Джозефа Кэмпбелла, посвященным мифам, – это очевидный показатель распространенной во всех западных странах потребности в них. Но в отличие от Кэмпбелла, говорящего в своих программах о мифах почти что исключительно Азии, Индии, Китая, Малой Азии, эта книга посвящена мифам, которые здесь и сейчас живут в сознании и в бессознательном современных людей Запада.

Мы сосредоточимся на рассмотрении примеров и фактов, которые постоянно встречаются в современной психотерапии.

Я рассуждаю о «призывном крике, нацеленном на поиск утраченных мифов», так как уверен в насущной необходимости мифов в наше время. Корни многих проблем современного общества, включая наркоманию, вовлечение в культы, могут крыться в недостатке мифов в сознании людей. Мифы дают нам внутреннее ощущение безопасности, необходимое для адекватного восприятия сегодняшней жизни. Резкий рост числа самоубийств среди молодых людей, как и неожиданное увеличение количества депрессивных расстройств среди представителей всех возрастов, объясняется – как я покажу в этой книге – путаницей в головах и отсутствием мифов, адекватных современному обществу. Эта книга адресована, как я надеюсь, гражданам Америки и других стран и является результатом наших усилий по выдвиганию проблемы мифологии в поле открытой дискуссии, а также демонстрацией того, что мифы могут быть заново открыты и их можно использовать в качестве инструментов познания самих себя.

Это особенно актуально в свете нашего стремления придавать смысл своей жизни – посредством творчества, любви, возникающих перед нами вызовов, – поскольку мы находимся на пороге нового века. Наступление нового исторического периода подталкивает нас к тому, чтобы мы взглянули на наше прошлое и разобрались в нем, задали себе вопрос о тех смыслах, которые мы придавали ранее и придаем в настоящий момент нашим жизням. Именно с таким настроением я адресую читателю эту книгу.

Ролло Мэй

...такова наша современность... склонная к уничтожению мифа... И вот он стоит, этот лишенный мифа человек, вечно голодный, среди всего минувшего и роет и копается в поисках корней, хотя бы ему и приходилось для этого раскапывать отдаленнейшую древность¹.

Фридрих Ницше. Рождение трагедии из духа музыки

Возможно, у вас возникает впечатление, что наши теории являются своего рода мифологией... Но разве любая естественная наука не сталкивается

---

¹ Здесь и далее цитаты приведены в том виде, в каком они представлены у автора, если иное не указано в сноске. Возможны расхождения с первоисточниками. – *Примеч. ред.*

в конце концов с подобного рода мифологией? Разве у вас в физике сегодня дела обстоят иначе?

Письмо З. Фрейда А. Эйнштейну

Сегодня в кампусах мы слышим призывы к мифу, иногда этот призывный крик тих, даже безмолвен. Наука и гуманизм должны объединиться, чтобы ответить на этот крик.

Мэттью Бронсон, биолог. Из выступления на студенческой конференции в Калифорнийском университете, Сан-Диего

Часть 1. Для чего нужны мифы?

Глава 1. Что такое миф?

Будучи предметом изучения, миф... не является объяснением с целью удовлетворения научной любознательности, а некой повествовательной реконструкцией первобытной действительности, передающейся с целью удовлетворения глубинных религиозных потребностей и моральных исканий.

Бронислав Малиновский. Магия, наука и религия

Миф – это способ придания смысла бессмысленному миру. Мифы – это повествовательные формы, делающие важным наше существование. Заключается ли смысл нашего существования только в том, что мы привносим в жизнь с помощью наших индивидуальных духовных усилий, благодаря которым преодолеваем всяческие невзгоды, как на этом настаивал бы Сартр, или нам надо постичь какой-то высший смысл, как полагал Кьеркегор, результат один: мифы – это для нас путь достижения понимания этого смысла и значимости. Мифы похожи на несущий каркас дома: они практически невидимы снаружи, но являются той структурой, которая скрепляет дом воедино для того, чтобы в нем можно было жить.

Мифотворчество критически важно для обретения душевного здоровья, поэтому психотерапевт, испытывающий особое сочувствие к своему пациенту, никогда не будет препятствовать этому или отговаривать. Действительно, само зарождение психотерапии и степень ее распространенности в наше время вызваны процессами разрушения мифов.

Через миф здоровое общество дает своим членам возможность облегчить невротическое чувство вины и излишнюю тревожность. Например, в Древней Греции, где мифы играли важную роль в общественной жизни, отдельные члены общества были способны справляться с вопросами, связанными со своим существованием, без того, чтобы оказаться во власти непреодолимого чувства вины и захлестывающей тревоги. Именно поэтому философы уже в то время относили такие понятия, как красота, истина, добродетель и смелость, к важнейшим ценностям человеческой жизни. Мифы сподвигли Платона, Эсхила, Софокла на создание великих философских и литературных произведений, дошедших до наших дней в качестве неотъемлемой составляющей мировой культурной сокровищницы.

Но когда во втором-третьем веке до нашей эры вера в реальность древнегреческих мифов оказалась подорванной, Лукреций увидел, что «всех снедает в сердце забота. И непрерывно их дух угнетают невольные страхи. Гложет сомнение всегда, и тяжкие жалобы мучат»².

Для нас, живущих в двадцатом веке, также характерны «снедающие сердца заботы» и «мучающие жалобы». Наши мифы более не выполняют функцию придания смысла существованию, современные граждане остаются без понимания направления движения в своей жизни и ее предназначения. Люди проигрывают в борьбе за сохранение контроля над своей тревожностью и чрезмерным чувством вины. Из-за этого они бросаются к своим психоаналитикам или к тем, кто их как-то может заменить, обращаются к наркотикам, к религиозным учениям в надежде с их помощью обрести ощущение себя «вместе со всеми». Исходя из этого, психолог Джером Брунер имел полное право написать: «Когда господствующие в обществе мифы оказываются не в состоянии соответствовать разнообразию тех трудных ситуаций, в которые попа-

---

² Тит Лукреций. О природе вещей.

дает современный человек, его разочарование в первую очередь выражается в “мифоклазме”, а затем – в поисках внутренней идентичности, будучи в состоянии одиночества»³.

Эти «одинокое поиски внутренней идентичности» и являются одной из главных причин широкого распространения в нашем обществе психоанализа, различных форм психотерапии с их многочисленными посулами, появления множества «излечивающих все» шарлатанов, сект и культов, которые могут носить и конструктивный, и деструктивный характер.

«Я никогда не обещала тебе сад из роз»

Автобиографический роман с таким названием описывает то, что ощущала молодая женщина Дебора, которая страдала шизофренией, в процессе лечения у психиатра. Описания вызывающих волнение моментов терапии этой девушки читаются и воспринимаются как современное кино на тему инопланетной фантастики. Эта терапия представляет собой, на наш взгляд, постоянную и захватывающую внимание читателя игру мифов, оказывающих взаимное влияние друг на друга. Дебора живет в окружении мифических фигур Ида-та, Ира, Антеррабея, Лактамеона, Синклита Избранных, которые населяют королевство Ира. Так как Дебора не может общаться ни с кем в реальном мире, эти мифические герои приобретают для нее критическую важность. Она пишет: «Боги Ира были спутниками ее жизни – тайными и истинно разделяющими с ней ее одиночество»⁴. Она всегда будет сбегать к ним, когда ей будет страшно или невыносимо одиноко в так называемом реальном мире.

По пути в санаторий, как повествует Дебора, она и ее родители ночевали в соседних комнатах мотеля.

За стеной на кровати лежала Дебора. В Империи Ир существовала такая нейтральная территория – Четвертый Уровень. Туда можно было попасть лишь по чистой случайности, но не по плану и не по своему хотению. На Четвертом Уровне не было переживаний, которые носишь в себе, не было ни прошлого, ни будущего, которые нужно перемалывать. Не было ни воспоминаний о собственном «я», ни тем более владения им; не было ничего, кроме упрямых фактов, которые приходили к ней незваными по мере надобности, без привязки к чувствам.

Теперь, лежа в постели, она достигла Четвертого Уровня, и будущее перестало ее волновать. Люди в соседней комнате, видимо, приходились ей родителями. Очень хорошо. Но они принадлежали к туманному миру, который сейчас развеивался по мере того, как ее, ничем не отягощенную, уносило в новые пределы, не таившие никаких тревог. Удаляясь от мира прежнего, она вместе с тем удалялась и от хитросплетений Империи Ир, от Синклита Избранных, от Цензора, от ирских богов. Перевернувшись на другой бок, она погрузилась в глубокий и успокоительный сон без сновидений.

Следующим утром, как она нам говорит, она ощущала большое облегчение и успокоение, которые ей принесли ее мифы.

Когда машина отъезжала от мотеля в солнечную дневную даль, Деборе пришло в голову, что путь может продлиться вечно и тогда нынешнее ощущение покоя и великолепной свободы

---

³ Jerome S. Bruner. «Myth and Identity» in Myth and Mythmaking, ed. Henry A. Murray (New York: George Braziller, 1960), p. 285.

⁴ Hannah Green. «Never Promised You a Rose Garden» (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964), p. 55. Курсив Полло Мэй. (Ханна Грин. Я никогда не обещала тебе сад из роз (<https://www.livelib.ru/book/1002729223-ya-ne-obeschala-vam-rajskoj-zhizni-hanna-grin>)).

станет новым подарком от не в меру требовательных по обыкновению богов и властителей Ира⁵.

Эти боги в воображаемом мире Деборы отличаются не просто глубиной своих образов, но и поразительным сходством с тем, что оказалось представлено через тридцать лет в «Инопланетянине», «Возвращении джедая», «Ближних контактах третьей степени» и других фильмах на внеземные темы, которые приковали к себе внимание миллионов детей и взрослых в самом конце двадцатого века. У Деборы была шизофрения. Но вечной головоломкой является вопрос о том, где пролегает граница между шизофренией и великим творческим воображением. И Ханна Грин (это псевдоним писательницы) продолжает:

Она полетела вниз вместе с богом Антеррабеем, сквозь его рассеченную пламенем тьму – в Ир. На этот раз падение было долгим. На пути встречались протяженные области серого, видимые глазом только как полосы. Место оказалось знакомым: Жерло. Здесь стонали и кричали Синклит и боги, но даже их речи были неразборчивы. Доносились и людские звуки, но лишенные смысла. Вклинивались отдельные слова, но лишенные смысла. Встревал и земной мир, но растрескавшийся и неузнаваемый⁶.

Психиатр клиники Chestnut Lodge доктор Фрида Фромм-Райхманн, лечащий врач Деборы, поступила очень мудро, с самого начала дав ей понять, что не будет отнимать этих богов у нее против ее воли. Доктор Фрида, как она называется в книге, построила этих богов в процесс лечения, время от времени предлагая Деборе сказать что-либо своим богам или вроде как случайно спрашивая ее, о чем говорят эти боги. Самым важным было то, что доктор Фрида Фромм-Райхманн уважала потребность Деборы в общении с этими мифическими фигурами и искала способ помочь девушке увидеть то, что она сама создала их. И вот во время одной из сессий:

«Наше время истекло, – мягко объявила доктор. – Молодец, что рассказала мне про свой тайный мир. Передай этим богам, и Синклиту, и Цензору, что им меня не запугать и что помешать нашей с тобой работе они бессильны».

Но когда доктору Фриде потребовалось уехать на лето в Европу, Дебору временно передали молодому психиатру, который был просто пропитан духом современного рационализма. Этот психиатр попытался бесцеремонно разрушить «галлюцинации» Деборы, совершенно не понимая ее потребности в своих мифах. В результате состояние Деборы заметно ухудшилось вместе с приходом всей ее системы богов и их внеземных царств в полный беспорядок. Она полностью ушла в свой мирок, совершенно отрешенный от действительности. Она устроила в санатории пожар, обожгла и искалечила саму себя, стала вести себя так, будто все человеческое в ней исчезло. Именно это с ней и произошло. У нее отняли душу – если душой считать наиболее сокровенные и фундаментальные функции сознания. В итоге она буквально лишилась какой-либо опоры, за которую можно было бы держаться.

Дебора описала все это доктору Фриде, когда та позднее вернулась из Европы. Тот другой психиатр, причитала она, «только и хотел, что показать, насколько он прав и какой он умный». Заливаясь слезами, она продолжала: «Он точно так же мог бы сказать: “Приди в себя и выбрось

---

⁵ Ibid.

⁶ *Hannah Green*. «Never Promised You a Rose Garden» (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964), p. 55. Примечательно, насколько это описание совпадает с адом у Данте, о чем мы будем говорить в главе 9 «Психоаналитик и путешествие в ад».

все эти глупости”... Проклятье на мою голову!» Она простонала: «О черт! На мою правду мир отвечает только ложью!»

Мы можем рассматривать поведение этого рационалистичного психиатра как аллегорию современной эпохи. Когда мы в нашем двадцатом веке так заиклены на доказательстве правоты нашего технически формализованного мышления и одним махом отбрасываем мифы со всеми их «глупостями», мы одновременно обкрадываем собственные души и ставим под угрозу разрушения наше общество – точно в такой же мере, как и в случае с упомянутым ухудшением состояния Деборы.

Мифы сохраняются у Деборы до самой последней страницы романа «Я никогда не обещала тебе сад из роз». Но к этому времени она уже научилась понимать, что ее мифы были также плодами ее собственного богатого творческого воображения. Доктор Фрида помогла ей осознать, что она в состоянии сама определять те формы, которые принимают эти мифы (пусть они поначалу и были вроде бы как шизофреническими).

Хотя Дебора и участвовала в творении своих мифов, важно отметить, что она не создавала потребности в них. Такая потребность является частью нашей судьбы как человеческих существ, частью нашего языка общения друг с другом, способом понимания друг друга. В конце курса своего лечения творческое начало Деборы стало проявляться в таких формах, которые на самом деле дали многое ей самой и людям из круга ее общения; после окончания курса терапии в Chestnut Lodge она написала и опубликовала несколько замечательных романов, два из которых повествуют о людях с серьезными ограничениями.

Настоящая книга написана не столько о шизофрениках как таковых, сколько о той потребности в мифах, которую испытываем все мы и которая возникает из самой человеческой природы. Формы, которые эти мифы принимают, могут быть самыми различными. Но потребность в мифах, даже более того – плач по мифу будет сохраняться до тех пор, пока на земле будут оставаться существа, называющие себя людьми. В этом смысле мы все подобны Деборе: хотя мы и формируем наши собственные мифы различными путями – и коллективно, и индивидуально, – мифы как таковые являются для нас необходимым способом преодоления пропасти между нашей биологической природой и нашей личностью.

Мифы – это наши собственные интерпретации нас самих, нашей внутренней сущности в ее отношении к внешнему миру. Они являются теми повествованиями, историями, которые объединяют наше общество⁷. Мифы – важнейшая часть процессов, которые способствуют сохранению жизни в наших душах, привнесению в наше сознание новых смыслов в условиях сложного и зачастую бессмысленного мира. Такие аспекты вечности, как красота, любовь, великие идеи, могут появляться и проявляться в виде мифа внезапно или постепенно.

Поэтому мифы находятся в центре внимания психотерапии. Критически важно, чтобы психотерапевт позволял своему пациенту воспринимать его мифы со всей серьезностью, неважно, проявляются ли эти мифы в виде сновидений, свободных ассоциаций или просто фантазий. Каждый человек, испытывающий потребность в приведении в порядок потока своих чувств, ощущений, эмоций, мыслей, в том, чтобы все они были согласованы друг с другом независимо от того, имеют ли они свои внутренние или внешние начала, вынужден осознанно делать для себя то, что ранее делалось для индивидуумов семьей, церковью, государством, а также то, что проистекало из обычаев и традиций. В ходе курса психотерапии мифы могут служить связью для пациента, попыткой испробовать новые жизненные модели или даже стать толчком для того, чтобы пуститься во все тяжкие в стремлении заново выстроить ранее раз-

---

⁷ Мифы Китая, Японии, Индии, других стран Востока, тибетские мифы проистекают из культур, отличающихся от нашей, поэтому мы можем ухватывать их смысл только частично. Но они дают нам вид на некий цветущий сад, которым мы можем любоваться как минимум стоя у его ворот. Джозеф Кэмпбелл предоставил нам замечательный обзор мифов различных стран мира. По контрасту с этим я намереваюсь в данной книге сосредоточиться на мифах нашей родной Америки в том виде, в каком они представлены в нашем современном мире, в психотерапии, в общественной и религиозной жизни.

рушенный жизненный уклад. Как говорит Ханна Грин, мифы – это то, что «разделяет с нами наше одиночество».

Религиозные культы и мифы

В последние декады мы наблюдаем устрашающую статистику самоубийств среди молодых еще людей. В 1970-е годы число молодых мужчин, добровольно ушедших из жизни, возросло многократно. Можно пытаться всеми многочисленными способами предотвращать эти самоубийства, например, вести телефонные беседы с людьми, находящимися в глубокой депрессии, и т. п. Но так как высшей целью остается погоня за деньгами; так как мы практически совсем не обучаем этике – ни дома, ни на уровне правительств; так как в этих молодых людях не заложено стремление к формированию своей жизненной философии; так как телевидение заполнено агрессией и сексом (притом что в нем полностью отсутствует элемент, направленный на то, чтобы научить любить) – и до тех пор, пока все это будет сохраняться, среди молодежи будут распространены депрессии и самоубийства.

Совсем недавно во время выступления на церемонии вручения дипломов в Стэнфордском университете один студент описал своих товарищей-выпускников как «не знающих, как соотнести себя с прошлым или будущим, имеющих слабое представление о настоящем, не имеющих жизнеутверждающих убеждений, ни цивилизных, ни религиозных» и, соответственно, не имеющих «ни целей, ни способов для эффективных действий». Пока наш мир и наше общество остаются лишены мифов, в которых выражены наши убеждения и моральные ценности, люди будут впадать в депрессию, как мы далее увидим, и совершать самоубийства. В следующей главе мы обратимся к некоторым причинам этой морально-этической опустошенности; сейчас же только скажем, что отсутствие мифов – это нехватка языка общения даже для того, чтобы только попытаться начать говорить об этих проблемах.

В состоянии, когда непонятно, куда следует двигаться далее, в котором мы оказались в самом конце двадцатого столетия, совсем неудивительно, что обезумевшие от отчаяния люди в массовом порядке обращаются к новым верованиям, к восстановленным из небытия старым культам, стремясь найти там ответы на свои вопросы, связанные с общей тревожностью, облегчить свое чувство вины и снизить уровень своей депрессии и найти что-то, что сможет заполнить их жизненный вакуум. Они также обращаются за помощью и советом к астрологам⁸. Или цепляются за суеверия первобытного прошлого, которые проистекают из веры в колдовство⁹.

Наш двадцатый век был первоначально объявлен эпохой рационализма, в которой просвещение и образование окажутся повсеместно распространены, а религия будет как минимум очищена от всех предрассудков и сама станет чем-то «просвещенным». И действительно, почти все основные цели эпохи Просвещения были достигнуты хотя бы частично: некоторые люди стали невероятно богатыми, большинство людей на Западе освободились от тирании, получили широкое распространение научные знания – и далее можно перечислять бесконечно. Но

---

⁸ Опросы службы Гэллага показывают, что «32 миллиона человек в этой стране верят в астрологию». Это все «поиски смысла жизни», как утверждает президент Международного общества астрологических исследований. «Знание о том, как располагаются звезды, является при решении жизненных проблем чем-то вроде прогноза погоды». И особенно в состоянии стресса они ищут «ответы на вопросы всей жизни» (New York Times, October 19, 1975). Карл Саган в серии своих телепередач затратил огромные усилия на развенчание астрологии как лженауки. Отталкиваясь от своей позиции как профессора астрономии он, как кажется, не осознавал, что астрология основана на совершенно другом базисе. Астрология – это миф, поэтому требует обсуждения на языке мифа. Она имеет как свои недостатки, так и позитивное влияние.

⁹ Существуют десятки таких культовых сект во главе с Раджнишем, Трунгпа, Да Фри Джоном, Радхакришнаном, Муктанандой, Муном и т. п. Каждый год появляются новые. Мне не хочется обсуждать тут, несут ли эти группировки в себе какую-то ценность или нет; я только перечисляю их как группы, к которым тянется множество людей в стремлении каким-либо образом повлиять на течение своей жизни, найти какой-либо способ справиться со своими тревогами и страхами, обрести жизненные смыслы и цели.

что случилось? Мы как человеческие существа запутались, произошла утрата моральных идеалов, мы опасаемся того, что грядет в будущем; мы испытываем неуверенность в том, что нам следует делать для изменения текущего положения вещей или для того, чтобы вывести нашу внутреннюю жизнь из опасных ситуаций. «Мы является самыми информированными людьми на земле», – утверждает Арчибальд Маклиш.

Мы тонем в фактах, но мы потеряли или теряем нашу человеческую способность чувствовать нечто, стоящее за ними... Наше знание сейчас идет через разум, через факты, через абстракцию. Мы, кажется, уже не способны на такое знание, которое было у Шекспира, который поэтом заставил Короля Лира воззвать к слепому Глостеру на вересковой пустоши: «... ты видишь, что творится на свете», на что Глостер ответил: «Не вижу, но чувствую»¹⁰.

Мифы исчезают из языка только ценой потери человеческой теплоты, внутренних смыслов, ценностей – тех вещей, которые придают особый смысл каждой отдельно взятой жизни. Мы понимаем друг друга, идентифицируя себя с субъективными смыслами, присутствующими в языке других людей, ощущая то, что важные слова значат для них в их же собственном мире. *Без мифов мы подобны расе, больной на голову, мы не способны продвинуться дальше прямого смысла слов и услышать, что говорит человек.* Не существует более убедительного доказательства обнищания нашей современной культуры, чем популярное, хотя и глубоко ошибочное определение мифа как вымысла.

Жажда мифа и разочарование в связи с отсутствием адекватных мифов проявляются в употреблении наркотиков. Если мы не можем определиться со смыслом нашей жизни, то можем попытаться хотя бы на время вырваться из унылой рутины нашего существования путем «побега из собственного тела» с помощью героина, или крэка, или какого-либо еще наркотика, который сможет временно унести человека из этого мира. Такой «способ» мы нередко наблюдаем в процессе психотерапии: когда пациент ощущает свои перспективы как чрезвычайно сложные, он может решить, что все еще в состоянии хоть как-то поучаствовать в своей судьбе, передозировав наркотик или пустив себе пулю в лоб. Если мы в любом случае и в конечном счете обречены на полное небытие, то будет менее унижительно уйти из этого мира, громко хлопнув дверью, чем под свои стоны и всхлипывания.

Нынешнее массовое обращение к религиозным культам, в особенности молодых (но также и не очень) людей, является показателем отчаянного стремления к обретению мифов. Любая секта, обещающая блаженство и любовь, открытие внутреннего пути к какому-либо божеству, может рассчитывать на свою аудиторию, а люди будут слетаться под знамена нового культа, как бы он ни назывался. Джим Джонс и трагедия в Гайане, когда 980 его последователей совершили акт самоубийства только потому, что авторитарный Джонс потребовал от них этого, – это предупреждение всем нам, которое мы не можем позволить себе забыть.

Религиозные культы и секты обладают силой мифов, но не останавливают себя никакими социальными ограничениями, не имеют тормозов, не обладают никакой ответственностью перед обществом. Зов к мифу должен быть услышан, так как если мы не обречем адекватные мифы, то наше общество заполнит этот вакуум псевдомифами и верой в магию. Социологи предоставили нам данные нескольких опросов, имевших место в 1960-е и 1970-е годы, которые показывают, что вера в Бога отступает, а вот вера в дьявола, наоборот, усиливается¹¹. Это является отражением распространения увлечения культами среди людей, ощущающих распад нашего общества и стремящихся найти какие-то способы объяснения этого явления.

---

¹⁰ Archibald MacLeish. «Poetry and Journalism», A Continuing tourney (Boston: Houghton Mifflin, 1967), p. 43.

¹¹ Clyde Z. Nunn. «The Rising Credibility of the Devil in America». (См. также главу 15.)

Вместо того чтобы рассматривать веру в дьявола как проявление некоего иррационального поведения, характеризующегося случайными и беспорядочными моментами, следует отнести к ней как к попытке беспомощного человека придать этому миру какой-то смысл, найти причинно-следственные связи там, где есть угроза полного беспорядка, ослабить диссонанс между своей приверженностью общественному порядку, который непонятен и далек¹².

Отрицание мифов

Утверждение о нашей потребности в мифах действительно выглядит весьма странно в свете того, что в нашей культурной среде уже давно принято рассматривать мифы как вымысел. Даже те люди, интеллект которых находится на высоком уровне, придают выражениям типа «ведь это только миф» несколько снисходительно-пренебрежительный оттенок. Например, библейская история о сотворении мира – это «*только* миф»¹³. Использование в таких выражениях слова «только» для подчеркивания своего неодобрения мифа берет начало в третьем веке нашей эры, когда отцы-основатели христианской церкви искали пути борьбы с верой простых людей в мифические истории Древней Греции и Древнего Рима. Эти отцы-основатели утверждали, что единственно верным является лишь христианское учение, а древнегреческие и римские рассказы – это «только» и «просто» мифы. Но если бы отцы церкви в большей степени верили в огромную силу новой мифологии, которую принесло с собой христианство (например, празднование Рождества с волхвами, следующими за звездой, взошедшей на востоке, и очаровательная традиция дарить подарки или впечатляющее празднование Пасхи с отмечанием наступления весны и возрождения всей растительности, цветов и злаков, а также миф о воскрешении), то у них не было бы необходимости столь неистово бороться с великими классическими мифами Греции и Рима.

Но в наши дни существует и другая причина ошибочного отношения к мифам как к чему-то ложному. Большинство из нас были воспитаны в духе рационалистического мышления. Мы, кажется, являемся жертвами предрассудка, состоящего в том, что чем более рациональный характер имеют наши мысли и высказывания, тем более они истинны, что мы и видели на примере того психиатра, который временно заменял лечащего врача в романе Ханны Грин. Такое, можно сказать, монопольное положение деятельности левого полушария мозга является выражением открытий не истинной науки, а только псевдонауки. Грегори Бэйтсон справедливо напоминает нам о том, что «чисто утилитарная рациональность, отделенная от таких явлений, как искусство, религия, мечта и им подобных, в обязательном порядке несет в себе патогенный и деструктивный заряд по отношению к жизни»¹⁴. Как уже ранее говорилось, нашей первой реакцией на отсутствие мифов является мифоклазм; мы отвергаем саму концепцию мифа. Отрицание мифов, как мы увидим далее, само по себе есть часть *нашего отказа от трезвого взгляда на действительность – как на свою личную, так и нашего общества*.

«Вы можете быть уверены, – писал Макс Мюллер, – что сейчас, как и во времена Гомера, существует своя мифология, но только мы ее не ощущаем, так как живем в самой густой ее тени и избегаем мощного полуденного света истины»¹⁵.

Вне всякого сомнения, нет никакого конфликта между наукой, если определить, что это такое, должным образом, и мифом, тоже правильно воспринимаемым. Это ясно дали понять Гейзенберг, Эйнштейн, Нильс Бор и бесчисленное количество других современных великих ученых. Интересно отметить, что начало очень многим величайшим научным открытиям поло-

---

¹² Listening: Journal of Religion and Culture 9, no. 3 (Autumn 1974): 94.

¹³ Isaac Asimov. «The Threat of Creationism», New York Times Magazine (June 14, 19B1).

¹⁴ John Brockman. «About Bateson» (New York: Dutton, 1977), p. 92.

¹⁵ Max Muller. «The Philosophy of Mythology», The Science of Religion (London, 1873), pp. 353–355.

жили мифы. Мы не знаем ответ Эйнштейна на вопрос Фрейда: «Почему война?», который тот задавал в своем письме в защиту мифов. Но у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что этот ответ был утвердительным. Отношение науки к мифологии очень сжато выразил У. Б. Йейтс: «Наука – это критика мифа»¹⁶.

Однако проблема состоит не только в правильности определений. Она также связана с нашими внутренними убеждениями, это также и психологическая проблема, и проблема набраться смелости, чтобы взглянуть на «мощный полуденный свет истины».

Миф как проблеск бесконечности

Именно с помощью мифов человек поднимается над болотом обыденности, обретает силу, необходимую для видения будущего и для реализации этого видения.

Питер Бергер. Пирамиды жертв

Вообще говоря, существует два способа, с помощью которых люди общались друг с другом на протяжении всей долгой истории человечества со всеми ее взлетами и падениями. Один – это рационалистичный язык. Он носит конкретно-эмпирический характер и достигает своего высшего уровня в логике. В процессе общения *произносящие некие слова люди сами по себе не имеют четкого отношения к истинности или ложности этих слов.*

Второй путь – это миф, который является драмой, начинающейся как историческое событие и продолжающейся приобретением специфического характера как способа сориентировать человека по отношению к реальному миру. Миф или предание несет в себе ценности общества: с помощью мифа индивидуум находит ощущение собственной идентичности, как мы увидим в главе 2. Повествование всегда сосредотачивается на главном, а не на специфических деталях; это в основном является функцией правого полушария мозга. Мы можем утверждать, что узнаем «их» по их же мифам. Мифы объединяют в себе жизненные противоположности: сознательное и бессознательное, прошлое и настоящее, индивидуальное и общественное. Все это объединяется в некое повествование, которое передается из поколения в поколение. В то время как эмпирический язык апеллирует к объективным фактам, *миф – к сущности пережитого человеком, к смыслу и значению человеческой жизни.* В мифе с нами говорит человек во всей его полноте, а не только его разум¹⁷.

В кинофильмах на мифологические сюжеты зритель может переноситься через века и оказываться в Древнем Риме или прогуливаться по улочкам древних Афин с Сократом. Или оказываться в будущем на борту космического корабля. Именно поэтому фильмы, кино в целом является таким специфическим видом искусства двадцатого века. Или общее настроение может мгновенно меняться – по воле автора фильма. Фильмы, основанные на мифических сюжетах, такие как «Взвод», могут привнести в жизнь ужасающие и невероятные переживания. Оглушающий шум, бескрайние джунгли, наркотики, змеи, изнасилования, фонтаны крови, сквернословие, жестокость вроде бы весьма приятных молодых людей – выпускников колледжа, а вдобавок человеческие качества солдат, которые и проявляют заботу друг о друге, и стреляют друг в друга, – это все мифы. Но миф – это не просто набор подобных символов: они должны быть встроены в повествование, которое обращено как к нашему сознанию, так и к бессознательному. Этот и другие фильмы транслируют нам некую картину, которая формирует суть мифа. Результатом является захватывающее и потрясающее душу повествование, в

---

¹⁶ Henry Murray. «Myth and Mythmaking», 1960, p. 114.

¹⁷ Читателям, у которых возникло желание более глубоко ознакомиться с этой тематикой, можно порекомендовать книгу Ernst Cassirer, An Essay on Man (New Haven: Yale University Press, 1944).

котором «мы не боремся с врагами, мы воюем с самими собой», как в самом конце фильма отметил один из персонажей «Взвода». После просмотра такого рода фильмов многие ветераны облегченно вздохнули и бормотали себе под нос что-то типа «Да, это было во Вьетнаме!» Кинофильм «Взвод» является тем, что Юнг назвал бы «тенью», а я в «Любви и Воле» называл чем-то «демоническим».

В 1987 году были произнесены и начертаны миллионы слов, чтобы описать, каким образом впали в немилость к обществу Джеймс Бейкер и Джимми Сваггерт – два лидера религиозного фундаменталистского течения; но когда всплывало имя Элмер Гентри, то все немедленно понимали, о чем идет речь. Элмер Гентри – это персонаж мифа о церковном деятеле, который оказывается вовлеченным в запретные сексуальные действия и замешанным в незаконном присвоении денежных средств. Автор этого мифа – Синклер Льюис. Этот миф, облеченный в форму романа, был написан за полвека до Бейкера и Сваггерта.

Таким образом, миф, как говорил Томас Манн, является вечной истиной – в отличие от истины эмпирической, которая может меняться с каждым утренним выпуском газет, в которых мы читаем о последних открытиях, сделанных в наших лабораториях. А миф – это нечто, что живет вне времени. Совершенно неважно, существовали ли когда-нибудь вообще мужчина по имени Адам и женщина по имени Ева; миф о них, записанный в Книге Бытия, до сих пор рисует картину того, как зарождается и развивается человеческое сознание, и эта картина применима ко всем людям всех времен и вероисповеданий.

Миф не является искусством, несмотря на то, что он используется во всех видах искусства; он обещает что-то большее; его предназначение и методы отличаются от того, что имеет место в искусстве. Миф – это форма выражения представлений человека о вселенной, о других людях, о своем собственном отдельном от всего остального существовании, о его ответах на все с этим связанное; форма, которая выявляет процессы мышления и ощущения. Миф – это проекция в конкретной и драматической форме всех страхов и устремлений, которые невозможно познать и выразить в любой другой форме¹⁸.

История о царе Эдипе – это древнегреческая сказка, которая в пересказе Гомера приобрела все пропорции мифа, а под пером Софокла стала мифом о герое, который ищет свою собственную действительность, такого типа поиски в наше время называются поисками своей идентичности. Человек, который, как и царь Эдип, восклицает: «Мне нужно понять, кто я такой!», а затем восстает против реальности, в которой существует, является неким символом не только для древних греков, но и для всех нас в нашей полной противоречий борьбе, направленной на поиски своей идентичности. Именно поэтому Фрейд поставил миф об Эдипе в центр всей своей обращенной к его современности психологии. Как и большинство древнееврейских и древнегреческих мифов, это повествование о борьбе в семейном треугольнике реализуется в самых различных формах в случаях с людьми, принадлежащими всем культурам, так как каждый рождается от матери и отца, а далее вынужден тем или иным путем восставать против них – именно это является сутью классического случая с Эдипом.

Психоаналитик Бруно Беттельгейм описывает аналогичную проблему придания чрезмерного значения рациональности в своей замечательной книге о сказках «Польза волшебства». Он привлекает античных философов Платона и Аристотеля себе в помощь:

Платон, который, вероятно, понимал, из чего складывается человеческое сознание, лучше, чем некоторые наши современники, желающие, чтобы их дети имели дело только с «реальными» людьми и повседневными событиями, знал, какие знания, переживания и

---

¹⁸ Lillian Feder. «Ancient Myth in Modern Poetry» (Princeton: Princeton University Press, 1971), p. 28.

какой осмысленный опыт формирует истинную человеческую сущность. Он считал, что будущие граждане его идеализированной республики начнут свое книжное образование именно с мифов, а не с голых фактов или с так называемого рационального обучения. Даже Аристотель – признанный мастер «чистого разума» – говорил: «Кто дружит с мудростью, тот дружит с мифами»¹⁹.

Поэтому инстанции, отвечавшие за привитие молодежи качеств добродетели и мужества, те, что древние греки называли *agête*, понимали, что мифы являются фундаментом для воспитания ценностей и этических принципов.

Каждый индивидуум ищет – на самом деле обязан искать, если он стремится оставаться в здравом уме – способы привнесения порядка и согласованности в потоки своих ощущений, эмоций и мыслей, которые проистекают из его сознания или, наоборот, проникают в него. Каждый из нас вынужден осознанно делать для себя то, что ранее делалось для индивидуумов семьей, церковью, государством, а также то, что проистекало из обычаев и традиций, а именно формировать свои мифы, в рамках которых мы сможем придать осмысленность нашему жизненному опыту.

---

¹⁹ *Bruno Bettelheim. «The Uses of Enchantment» (New York: Vintage, 1977), p. 35.*

Глава 2. Наши личные кризисы в мифах

...миф ...выражает, укрепляет и кодифицирует веру; он защищает моральные принципы и заставляет их соблюдать; он подтверждает действенность обряда и содержит практические правила, направляющие человека. Таким образом, миф является существенной составной частью человеческой цивилизации; это не праздная сказка, а активно действующая сила...

Бронислав Малиновский. Магия, наука и религия

Многие аспекты влияния мифов на нашу жизнь, их вклад в нее можно разделить на четыре рубрики. Во-первых, миф дает нам *ощущение своей идентичности*, отвечая на вопрос «кто я такой?». Когда Эдип восклицает: «Мне надо понять, кто я такой и откуда я родом!»²⁰, и когда Алекс Хейли ищет свои корни, этим они оба иллюстрируют эту функцию мифа.

Во-вторых, мифы позволяют нам *ощущать себя частью сообщества*. Подтверждение факта того, что наше мышление мифологично, просматривается и в нашей верности своему городу, нации и даже своему колледжу и его спортивным командам. Это привело к появлению таких явлений, как «троянцы» или «49-ники»²¹, в основе природы которых лежит мифическое начало. Эти явления были бы абсолютным абсурдом, если бы мы не учитывали того, что они иллюстрируют важную связь людей с общественным интересом, патриотизмом и другими подобными глубинными чувствами и отношениями к обществу и нации.

В-третьих, *мифы лежат в основе наших моральных ценностей*. Это исключительно важно для живущих в наше время людей в условиях размывания морали и даже – в некоторых совершенно безумных случаях – ее полного разрушения.

В-четвертых, мифология – наш способ разобраться в непостижимой *тайне сотворения*. Это относится не только к происхождению/сотворению нашей Вселенной, но и к научному творчеству, к мистическому «озарению» в искусстве, к поэзии и любому появлению новых идей в наших головах. «Миф – это одеяние тайны», – прозорливо написал Томас Манн в предисловии к своей замечательной книге «Иосиф и его братья», основанной на древних легендах.

Дьявол и Чарльз

Вот случай, который иллюстрирует, что такое миф об идентичности личности.

В жизни одного искусствоведа возникли серьезные трудности, связанные с его кризисом как писателя. Чарльз – назовем его так – в течение нескольких лет сталкивался с накатывавшими на него время от времени приступами отчаяния. Не будучи человеком религиозным, он во время Второй мировой войны на короткое время приобщился к католицизму. Им руководила отчаянная надежда получить хоть какую-то помощь, которая даст ему возможность взять себя в руки. Он также испробовал множество других разнообразных способов, включая классический психоанализ, но все эти подходы оставались для него на уровне болтовни и никогда не проникали вглубь души. В течение нескольких месяцев он продолжал свою борьбу самостоятельно, а затем, окончательно отчаявшись, снова обратился ко мне для проведения психоанализа.

В процессе разбора своих свободных ассоциаций после нескольких месяцев психоаналитической работы он сказал: «Я – писатель, который ничего не пишет... Я – человек, который

---

²⁰ Софокл. Царь Эдип.

²¹ Золотоискатели, которые в 1849 году отправились в Калифорнию за недавно открытым там золотом.

не платит по своим счетам, я – нуждающийся человек. Когда я иду по улице, то ощущаю себя так, как будто говорят не “Смотрите, это Чарльз”, а “Смотрите, тут вот какой-то убогий!”». Я поразился, услышав это. Мне показалось, что для него это нечто большее, чем просто какие-то слова. Он на самом деле идентифицировал себя с персонажем мифа об убогом бродяге, этот персонаж стал для него реальным.

Позднее он заявил: «Мой невроз защищает мою душу... Он самое драгоценное, что у меня есть... Если я смогу поправиться, то это для меня самого будет поражением». У него вызывали искреннее отвращение популярно сформулированные цели терапии, а именно вернуть человеку работоспособность, сделать его счастливым, хорошо адаптированным. Хотя он прекрасно знал, что ни он сам, ни я не ставили перед собой таких целей, он чувствовал, что их ставит культура. Поэтому он испытывал искреннее отвращение к современной светской культуре.

Аналитическая работа с ним достигла кульминации, когда в потоке его свободных ассоциаций прозвучало высказывание: «Для Бога сатана был бунтовщиком». Он с удовольствием задумывался над фразами типа «Сатана – это спаситель! Сатана – бунтарь!»

В ходе дальнейшего анализа мы намеренно уделили особое внимание мифу о сатане, с которым он самоидентифицировался. Он подчеркивал, что сатана в ипостаси Люцифера был низвергнут с небес и существовал по воле того, против чего он восстал. Поэтому, заключал он, он сам существует только благодаря мифу о себе как о бунтовщике, повстанце. Неудивительно поэтому, что его душа была защищена неврозом; на самом деле этот невроз и представлял собой суть его души! Он подчеркивал, что его вера в сатану не была формой манихейства, так как сатана сам верил в Бога. Когда в процессе психоанализа мы с ним пришли к мифу о сатане, стало ясно, что этот миф сводит в единое целое ряд ранее распавшихся на отдельные части черт его характера, структура которого от нас до того ускользала: его бунтарство, его негативизм и – наряду с этим – его заметный творческий потенциал как писателя.

Причина, по которой предыдущие попытки психоанализа Чарльза оказывались неэффективными, видится в том, что эти попытки были чересчур рационалистическими. Они представляли собой по большей части рассудительные разговоры, которые Чарльз мог вести бесконечно, но они никогда не затрагивали его глубинные эмоциональные уровни. Миф о том, что он «повстанец против бога», высвободил его невротическое чувство вины, в результате чего он смог принять уже «нормальное», присущее каждому человеческому существу чувство вины, что оказалось стимулом к терапии. Теперь он обрел чувство самоуважения, одновременно оставаясь «конструктивным» бунтовщиком; у него исчезла потребность саморазрушения. В нашем обществе так много притворства и лжи, что совершенно неудивительно, что позиция отрицания, как в случае сатаны, неизбежно выходит на поверхность в ходе психотерапии. Миф о сатане был кратчайшим путем к причинам пренебрежения и протеста Чарльза. Он противопоставлял себя всему, чему только можно, и обсуждение этого мифа было важно для достижения нами успешного результата психоанализа и лечения.

Точно так же, как Чарльз выстраивал свою жизнь, будучи подсознательно слишком зависимым от мифа о сатане²², так и каждый из нас имеет свой собственный миф, вокруг которого мы конструируем свои жизни. Такой миф поддерживает нашу целостность и дает нам силы проживать наше прошлое, жить дальше в будущем и при этом не пренебрегать каждым мгновением настоящего. Миф наводит мост над пропастью между сознательным и бессознательным, поэтому мы можем говорить о некоей целостности всего того огромного разнообразия, которое составляет каждого из нас самих. Форм, которые подобный миф может принимать, разумеется, бесчисленное количество. Мифы, которые приходят с нами на психоаналитические сессии, уникальны точно в той же мере, в какой каждое человеческое существо отличается

---

²² Более подробное описание истоков мифа о сатане см. в главе 14.

от другого. Но каждый индивидуальный миф в общем и целом является вариацией на одну из центральных тем классических мифов, в рассмотренном случае это тема сатаны, которая отражает динамику и экзистенциальные кризисы в жизни каждого человека.

Проблема идентичности существует для наших пациентов и для всех нас, как подчеркивал Эрик Эриксон, и мы сможем прийти к ее решению, слушая и слыша те различные мифы, с которыми пациенты приходят к нам. Потому что мы все думаем о себе не в моральных или рациональных категориях, а, скорее, воспринимаем себя как главных героев драмы жизни. Каждый из нас может быть героем или героиней, преступником, мошенником, простым наблюдателем или любым другим персонажем в драме, а испытываемые нами эмоции будут соответствовать этим персонажам.

На самом деле наше сознание становится значительно более богатым, когда вбирает в себя так называемые деструктивные мифы типа мифа о сатане. Как написал на подаренном мне экземпляре своей книги *The Courage To Be* («Мужество быть») Пауль Тиллих: «Самоподтверждение бытия тем сильнее, чем больше небытия оно может принять в себя»²³. Понятие сатаны в наше время, безусловно, имеет ярко негативную окраску, поэтому у тех психоаналитиков, которые работают под лозунгом «акцент на позитиве», наблюдается тенденция заглаживать всякие подобные негативные элементы. Но если следовать такому подходу, то будет игнорироваться факт того, что всякий осознанный миф в нашем бессознательном уравнивается картиной чего-то совершенно противоположного. Если сатаной просто пренебречь, то с практической точки зрения это будет означать также пренебрежение тем позитивным, что нас заботит больше всего.

Сатана оказывается удивительно сильным мифическим персонажем, имеющим множество имен и псевдонимов, несущих в себе сатанинскую «энергию», – Люцифер или Мефистофель. Сатана спорит с богом в прологе Книги Иова, а также в аналогичном вступлении к «Фаусту» Гете, где Фауст спрашивает Мефистофеля: «Так кто же ты?», на что дьявол отвечает:

Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла²⁴.

Без мифа о сатане «Потерянный рай» Мильтона производил бы гораздо менее сильное впечатление; «Моби Дик» утратил бы свою суть, если бы в душе капитана Ахаба не было чего-то сатанинского. Из современных психиатров о сатане положительно отзывается Харри Салливан, и причина этого ясна – сатана символизирует собой то, что является главным предметом психотерапии. Ныне покойный гарвардский психолог Хенри Мюррей написал о сатане очень много, описав, как он эволюционировал от Люцифера, «утренней звезды» и «сиятельного, первого и наивысшего из ангелов» в некое создание, которые мы ошибочно презираем как дьявола²⁵.

После осознания и принятия мифа о сатане Чарльз начал успешно разбираться в самом себе. Если психоаналитическая работа нацелена на то, чтобы быть глубокой и успешной в длительной перспективе, она должна помогать пациенту разобраться в подобном зле и прочувствовать, пережить заново миф, в котором человек совершает полное опасностей путешествие

---

²³ *Tillich*. «The Courage To Be» (New Haven: Yale University Press, 1952).

²⁴ Перевод Б. Пастернака. – *Примеч. пер.*

²⁵ *Murray*. «The Personality and Career of Satan», in *Endeavors in Psychology* (New York: Harper & Row, 1981), p. 531. Мюррей продолжает свое замечательное описание: в самом начале дьявол был «кладезем мудрости и идеалом красоты»... Святой Фома Аквинский учил, что сатана был одним из чистых ангелов господних, возможно, «верховным из них всех». Но Люцифер испытывал чувство ревности по отношению к своему старшему брату – Христу, и это соперничество сделало его злобным. Эта его обида была «порождена завистью к наивысшей силе и славе Бога». Сатана заявил: «Я буду как Всевышний». Поэтому зависть и гордыня присутствуют и в первородном грехе.

в свой собственный ад. Этот мучительный путь мы обсудим в главе 9 «Психоаналитик и путешествие в ад».

Сон пациентки об Афине

Еще один пример использования мифа как способа найти себя – случай с Урсолой, не так давно разменявшей четвертый десяток, которая училась в Голливуде и снялась в нескольких фильмах. Она ранее уже дважды проходила достаточно длительные курсы психотерапии, но, несмотря на хорошо складывавшиеся отношения с аналитиками, ее психологические расстройства никуда не уходили. Она ощущала неспособность даже выйти из дома одной (к моему кабинету для проведения сессии ее доставлял нанятый водитель), а факт того, что она не могла заставить себя ходить на танцы, посещать вечеринки или премьерные спектакли на Брод-вее, в которых участвовал ее муж, тревожил ее очень сильно. Она страдала от того, что она лесбиянка, в чем сама себя убедила (это оказалось совсем не так), и что ни разу за всю жизнь не достигла удовлетворения при сексуальных контактах с мужчинами.

В течение первого месяца психоаналитической работы в конце отведенного ей часа она часто спрашивала меня: «Как вы думаете, я смогу преодолеть эти проблемы?» На что я обычно отвечал в духе: «Вы сможете, если по-настоящему захотите этого». Подобные ответы всегда немедленно приводили ее к вспышкам гнева. Действительно, я что, не понимаю, что она бы не проделывала эти изматывающие поездки ко мне, если бы на самом деле не стремилась устранить эти свои блоки?

Ближе к концу первого месяца психотерапии она рассказала о том, что ей приснилось:

У меня оказался рассеченным лоб. Я искала, чем бы себя перевязать. Смогла найти только прокладки «Котекс». Наложила одну из них на порез. Теперь все в порядке, если вы ничего не имеете против.

Ее ассоциации с этим сном сводились к тому, что порез соотносился с ее визитами ко мне; мы «взрезаем» ее голову и проникаем внутрь. Так как рана локализовалась на лбу, то это могло означать, что она склонна к размышлениям и интеллектуальным разговорам, что мы и так знали, но это не мешало нам работать достаточно продуктивно. Прокладка «Котекс», вероятно, отчасти означала ее стремление сексуально обольстить меня, но оно не достигало такого уровня, чтобы быть препятствием и причинять какое-либо беспокойство. Остальные ассоциации с «Котексом» несли в себе смысл, связанный с производением потомства: так как «Котекс» используется во время менструации, то она может родить ребенка (это могло свидетельствовать о ее ожидании позитивных результатов нашей терапии, однако я тогда посчитал, что еще слишком рано как-либо сообщать ей это). Оговорка «если вы ничего не имеете против» выглядела просто показателем «хорошего воспитания» человека среднего класса.

Но разве это все?

Ни в коем случае! В этом сне заключался древний миф, являвшийся, по моему мнению, более важным моментом, чем все, о чем до сих пор было сказано. Это история о рождении Афины, которая явилась из головы Зевса уже в полном вооружении. Именно рождение Афины было андрогинным; у нее не было матери, и считалось, что именно это наделило ее способностью быть беспристрастным судьей в последней части великой трилогии Эсхила «Орестея», что знаменует начало человеческой цивилизации.

На первый взгляд этот миф, таившийся во сне, мог означать, что мне как психотерапевту приписывается значение Зевса, что на короткое время могло польстить моему самолюбию. Но стоп: рана, порез был на ее лбу – не на моем. Поэтому именно она становилась на место царя

богов и свершителя чудес! Я мог ощущать некую конкуренцию, ибо в моем кабинете вдруг очутился Зевс, готовый разродиться новым существом.

Миф из этого сна дал мне еще две подсказки, которые были важны в аналитической работе. Во-первых, он давал ощущение силы и откровенной решительности по отношению к рождению ребенка, а все это в свою очередь давало мне надежду на хороший прогноз: была большая вероятность того, что Урсула сможет контролировать свой невроз (что она и сделала). Во-вторых, он дал мне понять, что мои слова «если по-настоящему захотите этого» в ответ на каждый ее вопрос о своих перспективах оказались очень кстати, а те мимолетные вспышки гнева после каждого такого моего ответа становятся объяснимыми, если принять во внимание ее тайную (и, вероятно, неосознанную) цель – оказаться главным из богов, нанести мне поражение точно так же, как, возможно, она «победила» двух других психотерапевтов, с которыми общалась до меня. Вероятно, их ошибкой, как я для себя предположил, было то, что они целиком взяли на себя ответственность за успех ее лечения, а поэтому у нее не возникло необходимости прорваться сквозь свой собственный «ад».

Читатель может задаться вопросом: а что, если пациенты – совсем простые люди, которые никогда не читали о греках или каких-либо других классиках? В то время как эта женщина была действительно в высшей степени интересной и с ней было увлекательно работать, неверным было бы считать, что она на сознательном уровне знала о существовании этого мифа. Насколько я могу догадываться, она его не знала. Это демонстрирует, что человеку необязательно специально читать мифы – миф не нуждается в этом. *Мифы – это архетипические модели в человеческом сознании*, как указывали Джозеф Кэмпбелл и другие специалисты. Мы все рождаемся от матери, и все умираем. Мы все занимаемся сексом или лишены этого. Мы работаем или уклоняемся от работы и т. д. Величайшие драматические произведения вроде «Гамлета» носят мифический характер в том смысле, что они живописуют экзистенциальные кризисы в жизни каждого человека. Нам не избежать признания того предположения, что миф и самоосознание являются в некоторой степени синонимами. Там, где присутствует самосознание, присутствует и миф. Сны и мечты, суть которых выражается мифом об Эдипе и которые навеваются превратностями жизни в семье, где присутствуют трое (отец, мать и ребенок), могут приходиться к человеку независимо от того, читал он эту классическую драму или нет.

Юнг пишет: «Негру из южных американских штатов снятся сюжеты по мотивам греческой мифологии, а подмастерье швейцарского бакалейщика в своем психозе повторяет видение египетского гностика»²⁶.

Мифы, как утверждает Юнг, это оригинальные откровения предсознательной психики. Они – произвольные утверждения о том, что бессознательно происходит в психике. «Они являются психической жизнью первобытного племени, которое бы мгновенно распалось на части и разложилось в результате потери своего мифологического наследия, подобно человеку, потерявшему свою душу». Этот швейцарский психолог соглашается со многими другими авторитетными специалистами в том, что тревожащая бедность символов является тем условием, в рамках которого теперь протекают наши жизни²⁷.

Юнг полагает, что поэты общаются с той реальностью, которая лежит за пределами восприимчивости рассудка; они знают, что открыли для себя или в себе «духов, демонов и богов». Самый глубинный уровень бессознательного, пишет Юнг, может быть раскрыт только через миф и ритуал. Он рассматривает мифы в качестве необходимых промежуточных звеньев между человеческим духом и реальной природой человека. Из этой теории вытекает понятие архетипов как выражений коллективного бессознательного.

---

²⁶ Archetypes of the Collective Unconscious (Princeton: Bollinger Press, 1959), p. 50.

²⁷ Ibid, p. 512.

Каждый из нас благодаря «встроенным в себя» мифическим моделям участвует в этих архетипах. Они являются структурой человеческого существования. Совершенно необязательно быть большим ученым, чтобы подвергаться их воздействию. Необходимым условием является лишь экзистенциальное участие в человеческой жизни. «Я уже писал, что мифы приходят в голову человеку без его ведома», – говорит Леви-Стросс. «Для меня он [миф] описывает реально пережитое»²⁸. Сны – это переложения *общественных* мифов, в которых мы все является участниками, в личную жизнь отдельного человека.

Первым из таких экзистенциальных кризисов, безусловно, является само *рождение*. Каждый из нас появился на свет под фанфары (или без них), хотя в то время мы еще ничего не осознавали. И каждый из нас позднее придает своему рождению некое значение, гораздо большее, чем просто факту. Рождение героев часто сопровождается видимыми специфическими явлениями, как описывает это Отто Ранк в своей книге «Миф о рождении героя». Дочь фараона обнаружила Моисея в маленькой кроватке, плавающей в зарослях нильского тростника. Иисус был рожден девственницей в момент, когда на востоке вспыхнула звезда. Эдип был изгнан и обречен на гибель в дикой природе сразу же после рождения. Мы все оглядываемся назад, радуемся своему рождению или ненавидим этот факт, а может – оказываемся озадачены им; или выказываем миллион различных реакций, все многообразие которых может охватить только миф.

Другой кризис наступает в возрасте пяти-шести лет. Он выражается в эдипальной тоске, которая ощущается как тяга к родителю противоположного пола. Этому соответствует миф о царе Эдипе. С наступлением пубертата, где-то примерно в двенадцать лет или немного позже, мы открываем для себя мифы, выраженные в целом наборе ритуалов, связанных с тем, что мальчики постепенно становятся мужчинами, а девочки – женщинами. Эти мифы выливаются в обряды *конфирмации* в христианской церкви, *бар-мицвы* в иудаизме или в языческие действия американских индейцев, когда мальчики становятся воинами, а девочки – женщинами, способными рожать детей.

Следующий экзистенциальный кризис развития связан со стремлением подростка утвердиться в качестве независимого субъекта, что нашло свое отражение в древнегреческой классике – в «Орестее». В античной ли интерпретации Эсхила или в современной – Сартра или Джефферса, миф об Оресте является центральной точкой кризиса, которым отмечена жизнь подростка. Она известна как борьба героя за свободу от биологических уз, связывающих его с матерью и отцом.

Затем следует кризис любви и брака с нескончаемо распространяющимися мифами об Афродите, Эросе, Психее и т. д. Экзистенциальный кризис, связанный *с работой*, отражен в мифе о Сизифе, который мы обсудим в разделе «Великий Гэтсби». Наконец, когда мы готовимся к уходу из этого мира, нас захлестывают волны многочисленных мифов, относящихся к этому экзистенциальному кризису. Не самыми последними из них являются данные Данте описания величия и очарования встреч с умершими друзьями и знакомыми в аду (см. главу 9). Нам кажется абсолютно невозможным расстаться с нашими близкими или с кем-то ненавистным, поэтому мы придумываем нескончаемые наказания для наших врагов и блаженства для наших друзей в бесконечных будущих жизнях.

Как замечательно написал ныне покойный профессор Гилберт Хайет, известный классик Колумбийского университета:

Основным ответом является то, что мифы перманентны. Они – о важнейших из важных проблем, о тех, которые никогда не меняются, так как не меняются мужчины и женщины. Они – о любви; о войне; о грехе; о тирании; о мужестве; о судьбе; и они все так или иначе связаны с

²⁸ Claude Levi-Strauss. «Myth and Meaning» (New York: Schocken Books, 1979), p. 3.

отношением человека к тем божественным силам, которые иногда бывают жестокими, а иногда, увы, справедливыми²⁹.

Неправда, что старые мифы либо умирают, либо чахнут и отходят на второй-третий план. Тот факт, что каждое осознающее само себя существо должно каким-то образом иметь дело с этими кризисами, является одним из аспектов бесконечности, к которой причастны мифы. Каждое последующее поколение заново интерпретирует мифы с целью найти соответствие между ними и новыми аспектами жизни и культурными потребностями. Великая «Орестея» имеет свои истоки в древнегреческой, еще догомеровской поэзии; эта история была заново осмыслена и интерпретирована Эсхилом как миф о молодом человеке, преодолевающим трудности в борьбе за право стать мужчиной и отождествить себя с отцом. Громадная вина Ореста, убившего свою мать, за которую его преследовали и доводили до временного помешательства фурии, получение им прощения на знаменитом суде в Афинах, где человеческие справедливость и правосудие нашли поддержку со стороны божественной силы, – все это встает на свои места.

От результата этого процесса в «Орестее» зависит судьба всей цивилизации, так как в этом глубоко символическом акте свершения правосудия судьями являются не боги, а люди. Мужчины и женщины с этого момента должны взять на себя ответственность за свою цивилизацию. Этот миф говорит нам о том, что сегодня именно нашей является ответственность и за парниковый эффект, и за другие угрозы нашему существованию на земле.

Сартр и «Мухи»

Обратимся к тому, как Сартр использовал античную драму об Оресте, которая, условно, является историко-культурным сокровищем и находится в ряду самых выдающихся творений человека. Можно подумать, что в наше «постфрейдистское» время, когда вопросы психологии подросткового возраста исследуются и обсуждаются без конца, драматическая история об Оресте будет интересна только как классический артефакт. Но это неправильное представление. Когда Жан-Поль Сартр почувствовал потребность в написании современной драмы для того, чтобы обратиться к французам, находившимся в отчаянии после оккупации Парижа немцами во время Второй мировой войны, он решил использовать античную историю об Оресте.

Париж в то время, можно сказать, страдал под игмом нацистских завоевателей; немецкие офицеры ходили вокруг театра строевым шагом.

Сартр написал свой вариант драмы Эсхила, дав ему название «Мухи». Декорацией к драматической пьесе является бронзовая статуя Зевса, нависающая над сценой.

Жители Аргоса³⁰ предаются болезненному чувству вины. Орест у Сартра – семнадцатилетний юноша, появляющийся на сцене вместе со своим другом Пилосом³¹. В этом плане он является копией героя драмы Эсхила.

Но с этого момента Сартр начинает развивать свою интерпретацию античного мифа. Он делает так, что Орест вступает в спор с Зевсом, бывшим в пьесе до того только бронзовой статуей в глубине сцены. Зевс сходит со своего пьедестала и пытается уговорить юношу не совершать планируемое убийство матери, которое должно излечить жителей Аргоса от снеда-

---

²⁹ Hight. «The Classical Tradition: Greek and Roman Influences on Western Literature» (New York: Oxford University Press/Galaxy Books, 1957), p. 540.

³⁰ В этом контексте древние города Аргос и Микены рассматриваются как синонимы.

³¹ У автора этот друг зовется Pylos, в русских переводах этого древнего мифа его имя Πυλάδης – Пиладис или Пилад. – Примеч. пер.

ющего их всех чувства вины и от депрессии. Зевс символизирует власть нацистов, тех генералов, которые, возможно, в этот момент проходят мимо театра. Как противостоять авторитарной воле, когда вы – часть покоренного народа, находящегося под пятой нацистов в 1944 году?

В пьесе Зевс громогласно утверждает, что раз он создал Ореста и всех других человеческих существ, то Орест должен подчиняться его приказам. Громкий ответ Ореста Зевсу должен был воодушевить французскую аудиторию: «Но ты оплошал – ты создал меня свободным!»

Разгневанный Зевс заставляет планеты и звезды беспорядочно метаться по небу, демонстрируя тем самым свою власть создателя небес. Затем он угрожает юноше: «Понимаешь ли ты, какое тебя ждет отчаяние, если ты последуешь по пути, на котором стоишь?»

Орест отвечает фразой, до сих пор воодушевляющей нас так же, как парижан в 1944 году: «Человеческая жизнь начинается в точке самого глубокого отчаяния!»

Мир может быть несправедлив и нерационален, но мужчины и женщины могут утверждать свою свободу и перед лицом тиранов. «Орест является героем Сопротивления, – говорила Хэйзел Барнс, – который будет бескомпромиссно бороться за свободу, не испытывая угрызений совести, даже если ему придется совершить нечто, что будет означать неминуемую смерть для кого-то из его близких»³².

Мифы в драматургии

Великие драматические произведения, такие как «Гамлет» или «Макбет», обращаются к сердцам и проникают в душу каждого из нас. Кроме того, они остаются в нашей памяти в качестве мифов, из года в год углубляя наше понимание человечности сути. Драма Беккета «В ожидании Годо» является примером такого рода. Она представляет собой проникновенный миф, который захватывает нас глубиной описываемых противоречий и отличается такой же пронизательностью, остротой и страданием, как и высказывание Ницше: «Бог умер». Герои этой драмы ждут мифа, который покажет, что мы пребываем в отсутствии драмы, которая захватит нас.

Этот поиск смысла в жизни, эта погоня за ним в эпоху, когда человек находится в вечном ожидании Бога, описан с состраданием к присущей всем нам растерянности «быть человеком». Когда Эстрагон спрашивает Владимира: «Ну как, пошли?», тот отвечает: «Да, пошли», сценическая ремарка гласит: «Они не сдвигаются с места». Этот глубокий в своей проникновенности миф раскрывает всю бездну нашей человеческой неуверенности; мы живем словно лунатики. Норман Мейлер в отзыве об этой драме пишет, что сомнения относятся к «моральным... основам христианства, которые были утрачены вместе с Христом». А лондонская «Таймс» говорит, что это произведение «наполнено нежностью и сочувствием ко всему тому замешательству, в котором пребывают люди... с уколами красоты и боли»³³.

Наряду с мифами об Оресте и Эдипе, написанными в период сверкающего расцвета цивилизации и культуры Древней Греции, существуют не менее сильные мифы, берущие начало в иудейской традиции: об обретении сознания Адамом и Евой, о битве Иакова с ангелом, о пророчестве Исаяи и страдающем слуге и т. д. Эти два источника античных мифов – древние греки и древние евреи – являются «отцом» и «матерью» западной цивилизации, мы навечно в долгу перед ними.

---

³² Barnes. The Key Reporter 41, no. 4 (Summer 1986): 3.

³³ Beckett. «Waiting for Godot» (New York: Crave Press, 1954).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.